

*Эту книгу посвящаю певцу молодости,
неутомимому наставнику молодых
литераторов, всей душой болевшему
за них, покойному писателю
Мукану Иманжанову.*

Автор

*О Боже, так где же они,
Дни любви и веселья дни?
Удалились они, и вот —
Не отыщешь следа, взгляни.*

Абай

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Мы заговорили о любовных отношениях, о том, как должна раскрываться тема любви в современной литературе.

— Тургеневу принадлежат слова: «Заметили ли вы, что на дубе — а дуб крепкое дерево — старые листья только тогда опадают, когда молодые начнут пробиваться? Точно то же самое случается и со старой любовью в сильном сердце: она уже вымерла, но все еще держится; только другая, новая любовь может ее выжить», — сказал литературовед.

Известный русский писатель Михаил Пришвин утверждал, что «...на земле у людей существует великая любовь, единая и беспредельная. И в этом мире любви, предназначенной человеку для питания души в той же мере, как воздух для крови, я нахожу единственную, которая соответствует моему собственному единству, и только через это соответствие, единство с той и с другой стороны вхожу я в море всеобщей любви человеческой». Хорошо сказано. Но как показать такую любовь?

— Этого я не знаю, — сказал журналист. — Я только могу вам рассказать о своей любви.

— Было бы интересно.

— Тогда слушайте.

— Я очень любил их, но они даже не смотрели в мою сторону, — начал неторопливо свой рассказ Ербол. — Лишь одна из них отличалась чуткостью и вниманием к людям. Она-то и сумела понять мою душу. О ней и расскажу сейчас.

Итак, четырнадцатого ноября 1945 года я стал студентом столичного Казахского государственного университета. С моими документами ознакомился декан, мужчина среднего возраста, богатырского телосложения, с узкими глазами на широком лице; он показался мне человеком спокойного нрава. Когда декан объявил мне, что я принят на второй курс историко-филологического факультета, поскольку я прежде уже отучился на первом курсе педагогического института, у меня от радости закружилась голова, меня трясло, и в то же время я словно парил высоко в небе.

Всего лишь час прошел с момента, когда я поднялся, стуча подковами сапог, по ступенькам университетской лестницы, осторожно обходя студентов, высыпающих в коридор во время перерыва между парами. Хотя в здании, расположенном на улице Советской, всего-то было два этажа, я вышагивал так, словно восходил на самую высокую вершину Алатау. Ощущения были самые реальные.

Декан посмотрел в большой лист с расписанием занятий, размещенный под стеклом на столе, и сказал:

— Теперь вы студент университета. Ваш курс занимается в тридцать третьей аудитории. Идите, через пять минут начнется лекция.

Кивнув, я вышел. «Тридцать третья аудитория... тридцать третья...» — твердил я, торопливо шагая по длинному коридору. Вот 31-я. Судя по распахнутой двери, в аудитории никого нет. Почувствовал ли я себя полноценным студентом, не знаю, но захотелось вдруг туда войти.

Полы здесь были двух уровней. Правая часть, где пол незначительно возвышался над левой, очевидно, слу-

жила сценой. Здесь же висела доска. Слева теснились довольно-таки высокие парты. «Возможно, это клуб», — предположил я, выходя из аудитории. «Тридцать третья аудитория, тридцать третья аудитория...» — снова забормотал я, шагая дальше по коридору.

Как только я поравнялся с дверью, обозначенной цифрами 3 и 2, как она вдруг распахнулась, пропуская молодых людей с зажатыми под мышками книгами. Дальше, за их спинами, с левой стороны я успел разглядеть студентов, которые сидели, склонившись над книгами. Справа рядами разместились на стеллажах книги, притягивая взгляд золотыми буквами, тисненными на корешках. Там работала молодая женщина в синем наряде, внешностью похожая на татарку. В вытянутой в сторону стоящих перед ней студентов руке она держала книгу, видимо, рекомендуя ее. «Библиотека, что ли?» — подумал я и встал на цыпочки, чтобы разглядеть получше, но в это время кто-то захлопнул дверь. На одной стороне двустворчатой двери я заметил табличку под стеклом с надписью «Библиотека».

Наконец я добрался и до тридцать третьей аудитории. Глядя на табличку с заветным числом 33, я блаженно улыбался, словно в этих цифрах заключались счастье и радость всей моей жизни. Если бы не мой невысокий рост, я бы, дотянувшись, погладил заветные две троечки.

В 1945 году 9 мая немецкий фашизм признал свое поражение, в начале сентября были сломлены японские империалисты. Победа, одержанная и на западе, и на востоке, была подобна торжеству весеннего света и тепла после долгой и холодной зимы. Четыре года я мечтал о Победе. Победа была долгожданная, выстраданная. Это была Победа тысяч, миллионов людей. Воины-победители поспешили в родные места, где наряду с близкими людьми многих с нетерпением ожидали и возлюбленные. И я спешил, но не домой, а в университет, и теперь тридцать третья аудитория представлялась мне родным гнездом. Я взялся за ручку двери...

...И простучал тяжелыми солдатскими сапогами по полу, как лошадь подковами по асфальту. Студенты, которые сидели за партами, уткнувшись в бумаги, разом подняли головы и дружно повернулись ко мне лицом. Так подсолнухи поворачиваются к солнцу.

Первое, что я заметил, в аудитории были одни девушки. Помнится, до войны меня кидало в жар, когда я встречался взглядом с девушкой. А тут на меня смотрели шестьдесят девичьих глаз одновременно. Было от чего растеряться... На фронте, бывало, в ночное время, когда послышится вражеский самолет, прожектора зашарят по небу. И вот он, вспыхнув в луче, начинает метаться. Но не спастись, не уйти, не скрыться за облаками. Лучи скрещиваются на маленьком самолетике, и он будто замирает, настигнутый гибельным светом. Зенитки ведут по нему прицельный огонь. Вокруг множатся белые облачка разрывов...

Оказавшись в центре девичьих взглядов, я почувствовал себя пилотом самолета, попавшего в фокус прожекторных лучей. Вытянувшись в струнку, как перед командиром, я гаркнул:

— Здравствуйте, товарищи!

Видели ли вы, как раскрывается в саду обласканный солнцем бутон, наполненный соком земли? Если вам доводилось созерцать такой удивительный процесс превращения бутона в благоухающий цветок, ловить взглядом едва заметный трепет раскрывающихся лепестков, тогда вы поймете то неизмеримое наслаждение, которое я испытал, глядя на нежное шевеление девичьих губ, отзывающихся на мое приветствие. Я почувствовал себя в райском саду. На меня с любопытством смотрели столько красивых девушек, каждая из которых, как мне показалось, была достойна поэтического описания: стройный стан, точеная фигура, лебединая шея, выразительные глаза. Растерявшись, я не знал, что им еще сказать. Молча пройти на свободное место было бы бестактно. И я смущенно промолвил:

— Можно войти?

— А ведь сначала просят разрешения и уже потом входят. Разве не так? — блеснув глазами, насмешливо сказала сидевшая недалеко от двери краснощекая девушка с широким лбом и смоляными волосами. Обнажив в улыбке крупные зубы, она оглянулась на сидевших сзади девушек, словно искала поддержки.

Кое-где послышался смешок. Я покраснел.

— Перестань, Канипа. Может, он кого-то ищет, — предположила сидевшая впереди светлолицая девушка с лебединой шеей.

— Что вы хотели, агай? Кого ищете? — спросила сидевшая за первой партой девушка.

— Мне нужна тридцать третья аудитория. Я теперь студент этого курса.

— Ну, тогда располагайтесь, — опять ответила за всех девушка с широким лбом и крупными зубами.

Услышав, что я буду учиться с ними на одном курсе, девушки вдруг приосанились, поправили волосы. Затем, словно по чьей-то команде, дружно закинули за спины лежавшие на груди толстые косы. Потом вновь посмотрели на меня, но уже не так равнодушно, как в первый раз. Взглядом они словно прожгли меня. Возможно, не все, а лишь некоторые. По крайней мере, мне так показалось.

Высвеченному прожектором самолету не миновать обстрела. Мне казалось, что я горю, как вспыхнувший в ночи самолет. Так подействовали на меня горячие взгляды тридцати девушек в тридцать третьей аудитории. Спотыкаясь, я направился к стоявшей в дальнем углу парте.

II

Я снял с плеча полевую сумку, сунул ее поглубже в стол, туда же поместил и фуражку. И уже садился, как вдруг словно стая голубей вспорхнула подле меня, по-

слышался шелест крыльев, пронеслось дуновение ветерка. Удивившись, я посмотрел вверх. И тут понял, что это не голуби, а девушки вспорхнули со своих мест, приветствуя вошедшего в аудиторию преподавателя. Поскольку я сидел сзади, то видел перед собой только спины и лопатки девушек, по которым нетрудно было определить особенности их фигур. Я загляделся на отливавшие синевой туго сплетенные косы двух студенток, сидевших прямо передо мной. Но, очнувшись, тоже поспешил встать со своего места.

Стараясь разглядеть преподавателя, я вытянул шею, но увидел лишь, как над девичьими головами проплыла копна черных кудрявых волос. Я остановил взгляд на тугих косах студенток. Тут память подсказала мне строчки из стихотворения Абая: «Вдоль спины заплетенные косы лежат, и шолпы отвечают движениям в лад». Вспомнилось, как на фронте ориентировались по компасу, стрелка которого начинала колебаться при каждом шаге. Девичьи косы напомнили мне ту самую стрелку компаса. Студентки поворачивали головы в сторону преподавателя, приводя в движение струящиеся по спинам туго заплетенные косы. Ровный пробор, светлевший в их волосах, и белые нежные шеи между косами волновали меня, будоражили мою кровь. Тут одна из девушек, сидевших в левом крыле, оглянулась в мою сторону. Позже я узнал, что ее зовут Зайкуль. Смутившись, будто меня уличили в чем-то запретном, я опустил голову.

До войны я страдал от своей застенчивости, как и многие молодые казахи, живущие в аулах. Воспитание, полученное в семье, не позволяло перебивать старших. В селе не принято пялиться на женщин. Не осмеливался я даже открыто смотреть в сторону девушки, которая нравилась. Оказавшись сегодня среди девушек, я вдруг понял, что четыре года, проведенных в суровых военных условиях, не изменили меня. Но все же... Хотя юношеская робость овладела мною, но вместе с тем сегодня я поймал себя на

том, что украдкой рассматривал девушек со спины, любовался их волосами, лебедиными шеями. А это уже немало. Стоит ли говорить, какое это счастье уцелеть в мясорубке войны и, вернувшись к мирной жизни, оказаться вдруг в цветнике, девичьем царстве!

«А что, — думал я, — мне достаточно того, что нахожусь рядом с этими милыми, прекрасными девушками. Я был в числе тех, кто сражался с фашистами до победного конца. Я заслужил это счастье».

Между тем послышался голос преподавателя, и мне почудилось, что слышу шелест крыльев устремившихся вниз птиц. Вслед за студентками и я опустился на стул, уподобляя себя вороне, случайно оказавшейся в стае сизокрылых голубей. Осторожно, как разведчик из-за кустов, посмотрел из-за спин девушек на преподавателя. Оттого ли, что для меня это было первое после фронта занятие, но не забыть мне того впечатления, которое произвел на меня этот смуглый человек, которому на вид было лет тридцать три или чуть больше. Я навсегда запомнил черные кудри его волос, большой с горбинкой нос. Его внешность ничем не напоминала казаха, и я подумал, что он, наверно, является представителем малой народности, как мой командир, который руководил боями в последний год войны. Я строил догадки, какой науке он будет меня учить, нисколько не сомневаясь, что лекции этот человек будет читать на русском языке. К моему большому удивлению, он вдруг произнес на чистейшем казахском:

— Ал, балалар, дайынсындар ма?

Я встрепенулся, не веря своим ушам: преподаватель говорил на казахском языке, да так чисто.

— Готовы, агай, — откликнулся кто-то из сидевших в правом крыле.

Все зашелестели тетрадами, а я все еще наблюдал за преподавателем, таясь, как разведчик в кустах, в ночи ожидающий пулеметной очереди.

— Если готовы, напишите тему занятия: «Имя прилагательное».

Преподаватель держался спокойно, говорил не спеша, отчетливо произнося каждое слово. На фронте я привык к кратким командам, резкому тону. Мне почудилась некая искусственность в манере преподавателя, будто он важничает. Словно подтверждая мои мысли, он, чуть помедлив, продолжил:

— Сегодня мы пройдем виды прилагательных: качественные и относительные прилагательные, морфологическое строение прилагательных, синтаксический способ образования прилагательных и приставки, образующие форму...

— Ой, агай, как много, — взмолилась одна из девушек, торопливо записывая тему занятия.

«Зря она это сказала, — встревожился я, жалея студентку, — теперь будет наказана за свои слова». Законы военного времени и армейский распорядок дня за четыре года настолько изменили меня, что, оказавшись в условиях мира, мыслями я все еще оставался там, на линии фронта. А там недопустимо было оспаривать решение командира, и любое непослушание грозило обернуться строгим наказанием. Я испугался, что преподаватель велит сейчас девушке покинуть аудиторию. Но он совершенно спокойно ответил, что такова программа, и приступил к лекции.

Преподаватель продолжал удивлять меня. Мало того что он, имея неказахскую внешность, хорошо владел языком, так еще и вел курс казахского языка. Я никак не хотел признавать в нем казаха. Но все же мне пришлось смириться с мыслью, что он мой сородич. Тут я подумал, что нужно включаться в работу, и, открыв тетрадь, попытался начать конспектировать.

Вывел карандашом крупными буквами посередине листа: «Имя прилагательное». Но продолжать писать не мог. Пальцы не слушались меня. Они привыкли на фронте

обхватывать снаряды, каждый из которых весил восемь килограммов. К тому же, хотя преподаватель говорил медленно, я не мог угнаться за ним и безнадежно отставал. На фронте безошибочно мог определить, из какого орудия был произведен выстрел — из винтовки или из пушки. По свисту летящего снаряда мог точно определить, в каком месте произойдет взрыв.

Звуки войны еще звучали во мне. Я слышал, но не улавливал смысл того, о чем говорилось в лекции. Различал только то и дело повторяющееся «имя прилагательное... имя прилагательное...».

Кроме того, мне был неприятен дребезжащий голос лектора, напоминающий скрежет стекла. Или же чудилось, будто кто-то в морозный день с хрустом шагает по снегу.

Сколько я ни пытался, с конспектом никак не получалось. Выводить карандашом буквы на бумаге оказалось для меня гораздо труднее, чем, скажем, выкатывать тяжеленную пушку на открытую позицию. «Не стоит зря мучиться, — решил я. — Сначала надо привыкнуть к голосу преподавателя. Потом уж как-нибудь приспособлюсь. У этих студенток, наверно, тоже сначала не получалось успевать записывать лекцию. Я ведь солдат, целых четыре года провел в окопах, это равносильно тому, что я окончил военную академию. Так неужели у меня не получится осилить в мирной жизни университетский курс?»

Отложив с этими мыслями карандаш и подперев по своей детской привычке левой ладонью щеку, я приготовился слушать. Взглядом уловил, как тонкие пальцы девушек быстро движутся по бумаге, и это напомнило мне красивый процесс вышивания. Не заметил, как мысли вновь овладели мной.

Я думал: «Милые девушки! Спасибо вам за то, что вы так прекрасны! Ваши глаза чисты, ваши упругие косы волнами спадают с плеч. Нежные шеи скромно белеют меж кос. Вы стройны, как тростинки на берегу озера! Ваши